

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.20>

Анандаева Цындыма Цымпиловна

Этос мужественности и статус отца в бурятском обществе

В статье представлен анализ одной из главных мужских идентичностей - отцовства. Целью является стремление показать роль отца как важной фигуры в системе внутрисемейных отношений, оценить его вклад в воспитание и формирование личности ребенка, определить его место в традиционной структуре бурятского социума и семьи. Автор встраивает пять статусов (ролей) отца в более обширную категорию социальных установлений, объединяемых общим названием - институт отцовства. Специфичность, особенность отцовства в бурятском обществе автор подчеркивает, сосредоточив внимание на тех аксиологических дефинициях, которые связаны с разными сферами социальной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 116-120. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Социальная философия

Social Philosophy

УДК 172.4

Дата поступления рукописи: 23.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.20>

В статье представлен анализ одной из главных мужских идентичностей – отцовства. Целью является стремление показать роль отца как важной фигуры в системе внутрисемейных отношений, оценить его вклад в воспитание и формирование личности ребенка, определить его место в традиционной структуре бурятского социума и семьи. Автор встраивает пять статусов (ролей) отца в более обширную категорию социальных установлений, объединяемых общим названием – институт отцовства. Специфичность, особенность отцовства в бурятском обществе автор подчеркивает, сосредоточив внимание на тех аксиологических дефинициях, которые связаны с разными сферами социальной жизни.

Ключевые слова и фразы: бурятская культура; бурятское общество; отец; Отчизна; три мужских игрища; семейные ценности; статус отца; сын; этническая традиция; этос мужественности.

Анандаева Цындыма Цымпиловна, к. филос. н.
Забайкальский государственный университет, г. Чита
AnandaevaTS@yandex.ru

Этос мужественности и статус отца в бурятском обществе

Факторами, определившими актуальность темы, являются следующие значимые аспекты. Во-первых, сегодня любая этническая общность переживает очень сложный период своей истории, когда вызовы глобализации ее целостности, сплоченности и процветанию высоки, как никогда раньше. Во-вторых, в современной жизни – при всей ее смутности и диспропорциях – семейные ценности и в особенности культ рода, семьи, образ отца, матери остаются центральными в менталитете бурят. В-третьих, не только и даже не столько контекст семейных отношений (поскольку существенным образом изменились ролевые отношения в семье), сколько система мужской идентичности, которая строится вокруг культивируемой доблести, позволяет приблизиться к пониманию психологии отцовства [5; 7].

Исходя из такого понимания актуальности исследования, можно сформулировать ее **научную новизну**. Преemptивность и целостность бурятской этнической традиции (которые сохранялись при всех изменениях и перипетиях) ни в чем, пожалуй, не проявились так определенно, как в заботливом сохранении и обогащении семейных ценностей. Вот почему ее суть в принципе следует рассматривать через анализ социокультурных элементов и комплексов, в частности, социальных статусов, требовавших отображения их взаимосвязей и взаимозависимостей. В качестве примера для такого анализа мы берем статус отца, заключающий в себе пять взаимодополняющих значений-ролей (эсэгын табан нэрэ-түрэ). Отсюда **цель** и **задачи** исследования – определение того, какие статусные роли играл отец в бурятском обществе.

Обращаясь к образу мужчины в народном фольклоре, следует помнить и о мифологизированной модели героя-защитника, готового к военным испытаниям, ставшего в народном сознании лучшим воплощением этоса мужественности, и о достаточно суровой действительности жизни бурятского общества, служившей той социально-экономической почвой, на основе которой только и возможны были проявления необходимых нравственно-ценностных качеств. Образ мужчины в культурном воображении бурят связан с целым комплексом утилитарных и воинских функций, существующих в двух разновидностях – домохозяинничество и воинство. В подобном утверждении много правды, хотя, строго говоря, подобного рода мифосимволическими значениями мужественность стали наделять в широкой исторической ретроспективе. Ясно одно: какое бы дело ни осваивал мужчина – суть занятия, укрепляющие и сберегающие дом, семью, Отечество. Совершенство и многогранность талантов мужчины, упоминаемые в фольклорных текстах, являются не только воплощением реализованных потенций и возможностей, но и изначальной избранности. Это качество особенно примечательно. Универсальным мастерством владели не все. В бурятском героическом эпосе «Абай Гэсэр» и в других эпических произведениях «Аламжи Мэргэн», «Айдурай Мэргэн», а также в исторических легендах

локальной культовой традиции хори бурят «Бабжа Барас Батор» персонажи обладают космически-универсальными способностями, что было отдаленным эхом шаманистических представлений о сакральном значении любого продуктивного, творческого деяния. Обработка металла и изготовление изделий из него – обозначение ключевой, едва ли не мироустроительной и мирозидательной деятельности, позволяющей мастеру притязать на «неограниченные» возможности, что «символически» сближалось с шаманистической традицией. Хотя по своему содержанию, то есть характеру деятельности она отличается от шаманской практики, но по форме почитания аналогична шаманскому культу. Существовало разделение на белых кузнецов (сагаан дархан) и черных кузнецов (хара дархан). Под «белым» и «черным» имеется в виду качество металла, используемого при изготовлении изделий, – «драгоценный» и «простой». За ними следуют узкие направления специализации и квалификации – «модошо дархан» (плотник), «фурша номой дархан» (мастер по изготовлению луков), «эмээлшэ дархан» (мастер по изготовлению седл), «бууша дархан» (мастер по изготовлению оружия) и т.д. Такое разнообразие специализаций (при их известной однородности) – свидетельство обладания неповторимостью и конструктивной природой. У них есть и своя более общая категория – «Сыновья Неба» («Тэнгэрийн хүүд»). И чтобы детальнее представить значимость и высокую оценку труда мастеров в бурят-монгольской культуре, можно обратиться к истории: Указ Чингисхана освобождал эту категорию подданных от обязательного налога.

Не лишены сакральной метафизики как средства и способы преобразования внешнего мира, так и его результаты (ремесленно и искусственно созданное), которые пользуются особым почитанием. По свидетельству путешественников XVIII века, кузнечное мастерство достигло у бурят высокого уровня, что тяготеет к тому, говоря очень приблизительно, совершенному типу, который был характерен для культур, традиционно специализирующихся по обработке металлов. Это можно видеть в представленном немецким этнографом, исследователем Сибири и Урала Иоганном Георгом Гмелиным описании быта и форм хозяйствования забайкальских бурят: «...они умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской» [4, с. 18].

Очевидно также, что существует нечто универсальное, первоначально возникающее во взаимодействии мужчины с природной средой и именно как результат этого взаимодействия, преобразованного посредством хозяйственно-утилитарных и мифо-символических механизмов. Поэтому малая родина как ничто иное играла важную культуротворческую роль Отчизны («тоонто»), полной воспоминаний о праотцах («элинсэгхулинсаг») и о кочевой жизни, сохранявшей запах столетий, учившей ценить давно заведенный порядок, прививавшей вкус к трем мужским играм («эрын гурбан наадан») – конным скачкам (мори урилдаан), стрельбе из лука (хур харбаан), борьбе (бүхэ барилдаан), – повсеместно устраивавшимся в празднествах. Именно здесь сподручнее всего было научиться исконно мужским качествам – силе, храбрости, меткости, ловкости и т.д. Всему этому способствовала исключительность, органическая сплетенность места рождения и судьбы человека. Счастливая и долгая жизнь человека не мыслилась без того, чтобы он был здоров, потому что его жизненная сила (һүлдэ) требует непрерывного поступления из внешней среды энергии. Поэтому земля предков представляла собой особо благоприятное место для жизни человека, для мужчины же это составляло естественную жизненную необходимость. В результате такой взаимосвязи мужчина, по представлениям бурят, был защищен от жизненных невзгод и тем самым способен накапливать и усиливать положительную энергию. Не этим ли объясняется в обществе порицание мужчины, поселившегося на родине своей жены? Такого человека называют «хүшөөр ерэн хуряахай», что в переводе с бурятского означает «зять, которого заставили переселиться на территорию жены», и хорошо передает трагическую отчужденность человека от родины [9, с. 130].

Но этос мужественности не сводится только к его физическим критериям, прежде всего он связан с адекватностью этого содержания духовности. Поэтому выражение «Эрэ хүнэй досоо эмээлтэ хазарта багтах» («В душе мужчины поместится и оседланный конь») – метафорический образ того, что истинная мужественность неизбежно зиждется на рационализме и не может существовать без опоры на него. Этническое сознание отводило строгое место мужчине в семье и обществе. Это означает, что его поведение характеризуется отчетливой логикой, когда имеет место совпадение фактического с должным, т.е. обязанность следовать праву, норме, долгу, определяемая достоинством личности. После кодификации обычного права бурят в XIX в. запрет пить алкогольные напитки до 40 лет стал нормой жизни и сделался одним из инструментов сохранения здорового образа жизни [1]. К сожалению, бурятскому народу не удалось сохранить эти правовые нормы до настоящего времени.

По мере взросления сыновей возрастают и требования к их воспитанию. В связи с этим важно подчеркнуть, что если обязательным принципом воспитания старших сыновей служит принцип формирования ответственности перед младшими братьями и сестрами, в соответствии с которым они должны были переложить на себя обязанности родителей в случае их ранней смерти, то принципом воспитания младших сыновей является формирование ответственности перед родителями, характеризуемое максимальной заботой о них. Приведенные выше примеры часто повторяются в обычном праве бурят, а между тем они не утратили своего значения и сегодня, что тем самым не исключают их существования в процессе развития в будущем. Хотя проживание родителей в семьях дочерей при наличии сыновей не кажется теперь таким редким явлением, это рассматривают как весьма грубые отклонения от традиционных устоев. Нередко поэтому подобные тенденции определяют как «оскорбление своего рода» – «нэрэдэ муу, түрэлдэ харша» (букв.: «плохо для имени, унижительно для родни») [3, с. 182].

И наконец, еще одно, пускай не столь примечательное на первый взгляд свойство этого отношения состоит в том, что оно предполагает двуплановость: в раннем возрасте имя сына практически не произносится, обезличивается (сын Цымпила – Цымпилэй хүбүүн), лишь после достижения совершеннолетия и, в особенности, когда он сам становится отцом, сын получает право общественного признания своего имени, как бы «отодвигая» на задний план имя отца (отец Цыдена – Цыдэнэй аба, отец Цынге – Цынгын аба). Иными словами, в системе «отец – сын» имя в идеале призвано было играть роль первоосновы целого цикла жизни, целой системы, уже перешедшей на новую ступень. Именно поэтому, вероятно, существует в народе выражение: «Хүбүүгээ хургажа эсэгэ болохо» («Становятся отцом, воспитав сына»).

Концепция отцовства раскрывает конкретные механизмы этого становления и эволюции в бурятском обществе. К отцовству возведены мудрость, мужество, ответственность, опора семьи и приумножение рода. При этом они теснейшим образом связаны между собой, являясь фактически разными обозначениями одной и той же реальности. Основополагающий для бурятской традиции синтез потенциальных имен (статусов) отцовства, приводящий к персонализации отцовства, может быть сведен к чеканной формуле «*Эсэгын табан нэрэ түрээ*».

Ставя задачу рассмотрения пяти статусов (ролей) отцовства в философско-аксиологическом ракурсе, мы неизбежно должны будем отыскивать вполне определенные аксиологические дефиниции и соответствующие им сферы проявления. Специфика их «вычленения» и последующего анализа состоит в том, что каждый статус, особо акцентируемый с помощью дефиниции, привязан к свойственной ему сфере (публичная сфера, военная служба, профессия, семья и род).

1. **Гүнзэги ухаан (мудрость)** – основополагающее качество отцовства, находящее свое воплощение в отцовском благопожелании и наказе (*абын үндэр үрээл, эсэгын захяа*). В определенные периоды, когда жизненный опыт отца служил образцом для выработки стиля повседневной поведенческой культуры – а именно таким временем были детство и юность, – будущее детей моделировалось и устным словом отца (благопожеланием и наказом). В изречениях «Абын хургаал алтан» («Поучение отца – золото»), «Эрэ хүн нэгэ үгэтэй» («У мужчины – единое слово») отмечается идея самоценности мужского слова. Все эти и подобные им примеры показывают, что в обыденном сознании благопожелание и наказ отца используются главным образом в прагматическом смысле: определяют и задают эталоны становления и совершенствования личности ребенка. Однако нередко они употребляются также в эстетическом и логическом смысле, когда, например, говорят об изящности мысли, нарочитости ее формулирования, глубине и четкости ее содержания.

2. **Хатуу зориг (мужество, отвага, воля, смелость)**

Знаменательно, что три мужских игрища, культивирующие, в первую очередь, такие физические качества, как меткость, ловкость, скорость и др., в конечном счете, свидетельствуют и удостоверяют его (мужчины) ценностно-праксеологические качества – мужество, отвагу, храбрость, волю, смелость, выносливость, доблесть, решительность, смелливость, упорство, преодоление себя ценой предельного напряжения сил. Здесь происходит определенного рода трансформация силы. Вот почему, прежде всего, следует упомянуть сильно выраженный элемент престижа – того движущего импульса, того стимула, который включает амбиции. Здесь оно проявилось очень ярко (*бур. соло* – хвалебная песнь победителю состязаний).

Когда мы пытаемся понять источник этой внутренней силы, проявляющейся в минуты ли отчаяния и страдания, в трудах ли военной службы, приходит на ум образ человека, органически впитавшего то, что принято называть духовностью (воинским служением, верностью долгу, патриотизмом, героизмом, самоотверженностью, честью), и связываемые с ней отцовские ожидания. Здесь можно указать на сходство между воинской присягой как соответствующим гарантом верности воинскому долгу и сыновним почтением и послушанием отцовскому наставлению как гарантом стойкости духа. Это – не просто литературный образ. Отец Героя России Бадмы Жабона был известен как человек активного благочестия: долгие годы он расчищал дороги паломников от каменных завалов. Вот как он сам объяснял необходимость этого труда своим односельчанам-алханайцам: «Мои сыновья на страшной войне. Я открываю им путь для благополучного возвращения домой». Приведенная выше история может быть охарактеризована как исполненная глубинного смысла, где принципы старшинства выражены не спонтанно, а предельно ясно. Это самый высший уровень, который можно понять, обращаясь к реальным поучительным примерам, упоминаемым в том числе в каждой семье.

Немалое значение имеет тот уже упомянутый факт, что в истории воинства и побед понятия «воин» и «народ» отнюдь не где-то наряду друг с другом, они не осознаются как-то параллельно. Они образуют с выражениями Родина, Отчизна, Отечество нерасторжимое единство, создается единое целостное содержание между словом и сутью дела: «Мы употребляем эти эмоционально окрашенные термины, так как в их звучании и значении раскрывается родственное единство воина и народа. Закономерно, что в лозунгах тяжелой военной поры на героический подвиг зовет не государство своих граждан, а Родина-мать своих сыновей. За этими родственными символами – их взаимная ответственность. Не будет героических воинских подвигов – страна будет уничтожена, прекратит свое существование» [6, с. 90].

Отцовские требование, воля, право (*эсэгын эрилтэ, эрхэ мэдэл*) именно потому являются средством избавления от малодушия и трусости, способом психологического воздействия, поскольку они разоблачают претензии ложного идеала, мнимого выбора и тем самым твердо и решительно пресекают все то, что может быть отнесено в разряд неподлинных смыслов и ценностей.

3. **Бата журам (дисциплина, ответственность, строгий порядок)**

«Отцовство – сыновство» – тип отношений, в которых происходит столь важное для обеих сторон благотворное влияние, вернее сказать, существует взаимная востребованность, и в становлении личности ребенка

(«Абынгаа байхада, хүний тани» («При жизни отца узнавай людей»)), и в отношении между отцом и взрослыми детьми («Хүбүүтэй хүн хүдэр» («Крепок имеющий сыновей»)) или в другом варианте: «Басагатай хүн бардам» («Горделив имеющий дочерей»)). Иными словами, в предыдущем цикле «отец – сын» сын должен выработать ту мудрость, которую он находит в жизненном опыте отца, – теперь же его задачей является благодарность родителям «Аба эжынгээ ашыень харюулха». Очевидно, что в ряде случаев, говоря об отце и матери в народной культуре, мы употребляем эти слова в метафорическом значении. Но для детей отец и мать – это не метафора, а концепты, содержащие универсальные начала, вид космических и человеческих отношений. Именно подобный образ содержится в антиномичной формуле:

«Эсэгэ хүнийе гомдохообол «При оскорблении отца
сүмбэр уула хэмхэрхэ, разрушатся горные массивы,
Эхэ хүнийе гомдохообол При оскорблении матери
hүн далай шэргэхэ». обмелеют молочные озера».

В основе отцовского воспитания (*абын хургаал*) – некий личный благодатный опыт. Отцовское воспитание сохраняло – и предоставляло детям – не столь плохой уровень знаний норм жизни, этнической традиции и нравственной культуры, меж тем как сама личность отца (как моральное бытие) и межличностная сфера (как область нравственных оценок и правовых отношений), а также сплетающихся функций и связей являли собой в известном смысле способ воспитания. Его краеугольные постулаты: любовь и тепло, неизменная готовность встать на защиту своих детей, требовательность, доверие. Тогда становится очевидным, что эта достаточно строгая и именно последовательная (в соответствии с возрастом ребенка) система отцовского воспитания, выдержанная в духе этнопедагогики, вполне коррелирует с остальными статусами отцовства и фундирует их. Мы ведь уже говорили, что каждый этап жизни ребенка имеет свое интенциональное отношение, каждый обладает своими возможностями и каждому свойствен тот способ воспитания, с помощью которого можно раскрыть и развить заложенный в ребенке потенциал. И если родители, к примеру, знакомили детей с их генеалогией по восходящей и нисходящей линиям и связанными с ней легендами и преданиями, то цель их – показать, как образными средствами этнопедагогики в них передано благоговейное отношение к ценностям этнической культуры, связанной, скажем, с почитанием своей родословной.

4. *Гэр бүлын түшээ (опора семьи)*

И если исток защищенности ребенка от превратностей жизни – отцовское воспитание, то корень его духовных сил – достоинства и мужественности – это отцовский наказ и воля. И все же отцовские наказ, воля и воспитание – не последние его задачи. Глубже их таится каждодневный труд родителей по обеспечению своей семьи материальным благосостоянием. Впрочем, в понятии *Абын үүргэ, абын аша* («обязанность, долг, заслуги, вклад отца»), репрезентирующем отца непосредственно как опору, стержень, защиту семьи, усматривается не только экономический принцип, оно несравненно глубже и обширнее его. Оно пронизывает не только жизнь человека, но саму жизнь семьи, ее благоденствие. Последнее не могло возникнуть само, а было создано «умом», «сердцем», «руками», то есть благодаря воле и труду отца. Благополучие было результатом стремления отца создать вокруг семьи особую сферу – и защищавшую от внешних трудностей, и благоприятствующую гармоничному развитию детей, и, наконец, просто полезную для хозяйственно-утилитарных нужд. Этот процесс своей важнейшей стороной имеет то, что афористически названо «Хулын дүрөөдэ, гарын ганзагада хүргэхэ» («Пусть ноги у детей достают до стремени, а руки до тороков (т.е. ремешков у седла для привязывания вьюка)»).

5. *Ури хүүгэдэй хүлдэ (приумножение (процветание) рода)*

Рассмотрев базовые статусы отцовства в бурятском обществе – мудрость, мужество, ответственность и опору семьи, – мы переходим к пятому статусу, который можно считать в известном отношении их результирующей. Если до сих пор мы говорили преимущественно о прижизненных заслугах отца, его личном вкладе относительно к той или иной конкретной сфере приложения, теперь мы сосредоточимся на их значении «в измерении человеческого времени: сыновство – в ее отношении к прошлому, супружество и братство – в ее отношении к настоящему, *отечество и материнство – в ее отношении к будущему*. И тем самым несущая в себе отблеск Вечности» (курсив автора статьи. – Ц. А.) [8, с. 36], поскольку «задачи семьи выходят за пределы этого мира...» [10, с. 371]. Существо этого пятого статуса – приумножение рода – составляет имя отца (*абын нэрэ*). Но почему так тесно связаны между собой пятый статус отцовства – приумножение рода – и имя отца? Дело в том, что в письменных памятниках бурят – генеалогиях родов (угай бэшэг) – совершается восхождение от имени отца к именам родовых праотцов, а в конце концов – к первым праотцам крупных этно-территориальных групп бурят – Хоридою, Булагату, Эхириту и Хонгодору. Снова вспомним тезис, выдвинутый в самом начале статьи, о том, что реальное положение и полноценное значение мужчины в бурятском социуме определяется по мере перехода к важному этапу жизни – женитьбе. А в связи с этим можно говорить и об обретении им совершенно новых статусов – домохозяйничества и отцовства, – и о внесении (фиксации) своего имени в генеалогическую родословную, и о дальнейшем развитии (приумножении) рода. Взаимосвязь пятого статуса отцовства – приумножение рода и имени отца, – на наш взгляд, подтверждается еще и тем, что именно подобный образ запечатлен в дошедшем до нашего времени эпитете – «Ага найман эсэгэ» (восемь агинских (хоринских) родов): «Установившихся терминов для обозначения племени у бурят нет, каждое племя и род имеет свои термины... у хоринцев слово эсэгэ – “отец” означает “племя»» [2]. Впрочем, этот перенос понятия «эсэгэ» (отец) на понятие «уг» (род) имеет место в качестве поэтично-образного

обозначения агинских родов, но более употребительными стали у хори-бурят парные слова: «уг изагуур» (или «узуур») (предки, праотцы, прашуры), «уг гарбал» (происхождение), «уг удам» (генеалогия, наследственность), «омог» (род, племя), «хүхүүр» (племя).

Важно для менталитета бурят и следующее: формой проявления и дополнения идентичности служит родовая идентичность и потому имеет существенный для идентификации личности характер. Даже в настоящее время этот фактор нередко при знакомстве особенно акцентируется: «Али изагуур омогтойбтэ?». / «Из какого Вы рода?». На первый взгляд, кажется, что этим просто отдается дань традиции. Конечно, это так, но заметим, что следующие высказывания о родовой идентичности: «Угаа алдахан хүниие түймэр ухан дээрэ эдихэ». / «Человека, потерявшего свой род, на воде огонь уничтожит»; «Угаа уханда хаягуй». / «Не выкинул наследственность в воду», – раскрывают неповторимые, ни одному другому этносу не свойственные черты, мотивы и нюансы самосознания. Но притом в одном из них констатируется: «Юһэн хүбүүдгай хүн хотоной аха». / «Отец девятерых сыновей считается главой рода». На образ многодетного отца, заключающего в себе свидетельство почитания, накладывается и репрезентативность материнства: мать пяти сыновей по статусу символически приравнивалась к мужчинам и удостаивалась таких же привилегий. И то, и другое было не чем иным, как модификацией культа семьи и шире – культа рода.

В заключение остается уточнить, что в рассмотренных нами пяти статусах (ролях) отцовства находятся истоки нравственной силы и потомственного достоинства того человека, для которого духовные переживания связаны с традициями его семьи. Таким образом, мы имеем некий нормативный канон отцовства, вне которого остается только «размытый образ отца». Внутри же этого канона согласуются физическое и духовное начала, этические и правовые нормы, общечеловеческие и национальные универсалии, семейные, родовые и социальные ценности, а также объективно необходимое, соответствующее современной реальности, и субъективное, обусловленное индивидуальными особенностями мужчины.

Список источников

1. **Базаров Б. Д.** Влияние «Великой Ясы» и буддизма на развитие обычного права бурят. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. 58 с.
2. **Балдаев С. П.** Родословные предания и легенды бурят: в 2-х ч. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970. Ч. 1. Булагаты и эхириты. 362 с.
3. **Буряты** / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
4. **Гирченко В.** Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское изд-во, 1939. 90 с.
5. **Кон И. С.** Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25-35.
6. **Кулешов В. Е., Данильченко С. А.** Долг воина-профессионала как детерминанта смысла жизни // Манускрипт. 2019. № 8. С. 87-91.
7. **Очиров В. О.** Мужчина-отец и его роль в бурятской семье // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3 (31). С. 84-86.
8. **Рашковский Е. Б.** Феномен семьи (междисциплинарные заметки) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 27-37.
9. **Содномпилова М. М.** Концепт Родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 124-134.
10. **Солтык Г.** Семья и власть – два голоса // XVIII Международный конгресс семьи (г. Варшава, 14-17 апреля 1994 г.). М.: Рудомино, 1996. 549 с.

Masculinity Ethos and Father Status in the Buryat Society

Anandaeva Tsyndyma Tsympilovna, Ph. D. in Philosophy

Trans-Baikal State University, Chita

AnandaevaTS@yandex.ru

The article provides an analysis of one of the basic masculine identities – paternity. The author shows the role of the father as a key figure in the intra-family relations system, evaluates his contribution to education and formation of a child's personality, identifies his place in the structure of the traditional Buryat society and family. Five father statuses (roles) are considered within the broader framework of social institutions commonly known as the institution of paternity. Specificity of paternity in the Buryat society is emphasized. The researcher's attention is focused on axiological definitions associated with different spheres of social life.

Key words and phrases: Buryat culture; Buryat society; father; native country; three manly games; family values; father status; son; ethnic tradition; masculinity ethos.